

Николай Васильевичъ Гоголь.

Родился 20 марта 1809 г., скончался 21 февраля 1852 г.

Н. В. Гоголь.

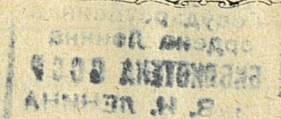
R 8
26

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. П. АВЕНАРИУСА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Н. В. ГОГОЛЯ И 4-МЯ РИСУНКАМИ

25 912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Книжнаго Магазина П. В. Луковникова

Лештуковъ переулкъ, д. № 2—80.

Н. В. Гоголь.

Биографическій очеркъ.

I.

Предки и родители.

Родъ Гоголей принадлежит къ старинному мало-россійскому дворянству. Въ лѣтописяхъ упоминается казацкій гетманъ Остапъ Гоголь, который отличился въ битвѣ при Дрижиполѣ, а затѣмъ былъ и полномочнымъ посломъ польскимъ въ Турціи. Происходилъ ли, однако, отъ него по прямой линіи Николай Васильевичъ Гоголь,—достоверныхъ о томъ свѣдѣній не имѣется. Одно не подлежитъ сомнѣнію: что его дѣдъ, Аѳанасій Гоголь, состоя въ польской шляхтѣ, къ своей родовой фамиліи прибавилъ еще вторую, польскую,—Яновскій, по имени своего отца, Яна Гоголя. Эту двойную фамилію, Гоголь-Яновскій, носилъ вначалѣ и нашъ писатель. Вторую половину ея онъ отбросилъ только по переселеніи въ Петербургъ. Въ письмѣ своемъ къ матери отъ 6-го февраля 1832 г. онъ проситъ адресовать ему на будущее время просто „Гоголь“, „потому что кончикъ моей фамиліи (прибавляетъ онъ шутливо), я не знаю, гдѣ дѣлся. Можетъ-быть, кто-нибудь поднялъ его на большой дорогѣ и носить какъ свою собственность“.

Дѣдъ Николая Васильевича, Аѳанасій Яновичъ т.-е. Ивановичъ) или Демьяновичъ (какъ называли его обыкновенно), окончивъ курсъ кievской духовной семинаріи, сперва учительствовалъ, потомъ находился на военной службѣ, на которой дослужился до чина полкового писаря (что соотвѣтствуетъ чину майора), а остатокъ жизни провелъ помѣщикомъ въ своемъ небольшомъ наслѣдственномъ имѣніи Яновщинѣ (Миргородскаго повѣта, Полтавской губерніи). Въ пору своего учительства онъ давалъ уроки дѣвицѣ Татьянѣ Семеновнѣ Лизогубъ, происходившей отъ Якова Лизогуба, генераль-фельдцейхмейстера Петра Великаго. Молодые люди полюбили другъ друга. Родители Татьяны Семеновны очень кичились своимъ знатнымъ происхожденіемъ и ни за что не выдали бы дочери за бѣднаго учителя. Зная это, учитель послалъ ученицѣ въ орѣховой скорлупѣ записочку, въ которой просилъ ея руки и предлагалъ обвѣнчаться тайно. Та согласилась; когда же молодые возвратились изъ-подъ вѣнца, родителямъ ничего не оставалось, какъ благословить ихъ. Бракъ этотъ былъ идиллически-счастливъ и послужилъ затѣмъ ихъ геніальному внуку благодарной темой для его „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“.

Сынъ ихъ, Василій Аѳанасьевичъ, записанный еще въ самомъ раннемъ возрастѣ въ военную службу, семилѣтнимъ мальчикомъ былъ уже произведенъ (конечно, заочно) въ корнеты. Для обученія наукамъ онъ былъ отданъ отцомъ въ ту же кievскую бурсу. Подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда и въ Малороссіи романтизма, подростку-бурсаку приснился однажды вѣщій сонъ: будто бы Матерь Божія указала ему дѣвочку-младенца, которая станетъ со временемъ его женою. Вскорѣ послѣ того онъ, вмѣстѣ

съ родителями, былъ въ гостяхъ у сосѣда ихъ по имѣнію, богача и важнаго сановника Трощинскаго; здѣсь-то въ младенцѣ-родственницѣ послѣдняго, Машенькѣ Косяровской, онъ тотчасъ призналъ ту самую дѣвочку, которая ему приснилась. Спустя 14 лѣтъ они дѣйствительно сочетались бракомъ.

При жизни родителей Василій Аванасьевичъ, а тѣмъ менѣе его молоденькая жена, не имѣли никакого голоса въ хозяйственныхъ вопросахъ и жили себѣ припѣваючи настоящими аркадскими пастушками. Съ кончиной же родителей, когда имъ пришлось самимъ окунуться въ житейскую прозу, ни мужъ, ни жена не могли уже освоиться, какъ слѣдовало съ сельскимъ хозяйствомъ и до конца жизни оставались все тѣми же романтиками. Предоставивъ наблюдение за полевыми работами опытному приказчику, Василій Аванасьевичъ гораздо охотнѣе проводилъ время за хорошей книжкой въ своемъ тѣнистомъ саду, гдѣ были у него „бесѣдка мечтаній“ и „гротъ дриадъ“, а по вечерамъ раздавались соловьиныя трели, или же прогуливался по сосѣдней рощицѣ „Яворовщинѣ“ (отъ росшаго тамъ дерева явора), переименованной имъ въ „Долину спокойствія“. Тѣмъ не менѣе, онъ отнюдь не былъ меланхоликомъ и нелюдимомъ; напротивъ того, онъ былъ всегда радъ гостямъ и своими неистощимыми разказами о старинѣ, своими остроумными шутками умѣлъ занять, развеселить всякое общество. Цѣнилъ въ немъ эти качества и богатый сосѣдь-родственникъ его Трощинскій: заведя у себя домашній театръ, онъ режиссерство поручилъ Василю Аванасьевичу, который въ числѣ другихъ веселыхъ малороссійскихъ пьесъ ставилъ и двѣ своего собственнаго сочиненія: „Собака-овца“ и „Простакъ, или Хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“.

Жена его, Марья Ивановна, такая же идеалистка, въ житейскихъ дѣлахъ была, пожалуй, еще менѣе его практична. У проѣзжихъ коробейниковъ она закупала цѣлые вороха разной дешевой, ненужной дряни, при всякомъ случаѣ давала себя обманывать и обсчитывать, а по смерти Василя Аванасевича, оставшись совсѣмъ безпомощной, цѣлые часы проводила въ молитвѣ или въ грустныхъ мечтаніяхъ надъ письмами покойнаго мужа, писанными ей еще до ихъ женитьбы.

Таковы были родители нашего великаго писателя-юмориста.

II.

ДѢТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

(1809—1828 г.).

Родился Николай Васильевичъ Гоголь 20-го марта 1809 года. Такъ какъ онъ былъ первенцомъ, то мать въ немъ души не чаяла; а такъ какъ къ тому же тѣлосложенію и здоровья онъ былъ слабаго, то она его не въ мѣру нѣжила и баловала. Въстѣ съ тѣмъ, однако, она привила ему свою глубокую религіозность, сохранившуюся у него на всю жизнь.

Вліяніе отца сказалось болѣе на литературномъ вкусѣ и фантазіи мальчика. Когда, бывало, къ нимъ въ Васильевку (какъ переименовалъ Василій Аванасевичъ по себѣ Яновщину) понаѣдутъ сосѣди-помѣщики, чтобы послушать опять занимательные рассказы хлѣбосольнаго хозяина, всѣхъ внимательнѣе слушаль его маленькій Никоша; если же отецъ заводилъ рѣчь о малороссійской старинѣ и запорож-

цахъ, то мальчугана никакими мѣрами нельзя было заставить идти спать, а ночью затѣмъ онъ только и бредилъ что о слышанномъ. Эти-то „вечера на хуторѣ“ и положили начало тѣмъ двумъ сборникамъ разказовъ, которые Николай Васильевичъ выпустилъ въ послѣдствіи подъ псевдонимомъ диканьскаго пасичника Рудого Панька. Бралъ его отецъ иногда съ собой и къ Трощинскому. Здѣсь, при видѣ на сценѣ отцовскихъ пьесъ, зародилась въ будущемъ актерѣ-любителѣ и драматургѣ первая страсть къ театру.

Но вотъ Никошѣ минуло десять лѣтъ, надо было помѣстить его въ учебное заведеніе. Отданный сперва въ Полтавскую гимназію, онъ вскорѣ былъ переведенъ оттуда пансіонеромъ въ нѣжинскую (Черниговской губ.) „гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко“. Болѣзненный, мечтательный и лѣнивый, онъ почти до самаго окончанія имъ курса мало преуспѣвалъ въ наукахъ. Такъ какъ при этомъ онъ былъ еще неряшливъ, насмѣшливъ и задоренъ, то у начальства гимназіи онъ былъ всегда на довольно дурномъ счету *). Точно такъ же онъ не пользовался и расположеніемъ большинства товарищей, потому что въ играхъ ихъ почти не участвовалъ, между тѣмъ каждаго передразнивалъ, надѣлялъ смѣшными про-

---

*) Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ журнала, веденнаго надзирателями Нѣжинскаго гимназическаго пансіона:

13-го декабря. (Такіе-то и) Яновскій за дурныя слова стояли въ углу.

Того же числа. Яновскій за неопрятность стоялъ въ углу.

19-го декабря. П-ча и Яновскаго за лѣность безъ обѣда и въ углу, пока не выучатъ свои уроки.

Того же числа. Яновскаго за упрямство и лѣность особенную—безъ чаю.

20-го декабря. (Таке-то и) Яновскій—на хлѣбъ и на воду во время обѣда.

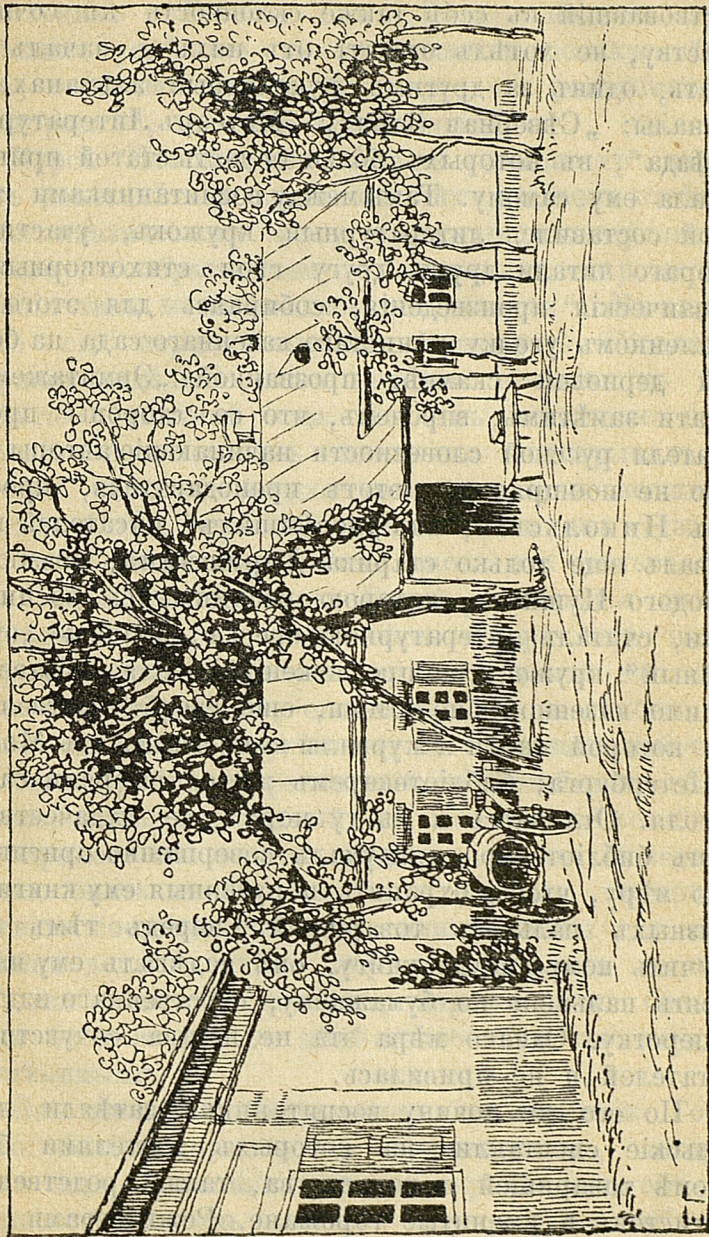
Того же числа. Н. Яновскій, за то, что онъ занимался во время класса священника съ игрушками, былъ безъ чаю.

звѣщами и не упустилъ случая сыграть надъ всякимъ какую-нибудь небезобидную шутку.

За всѣмъ тѣмъ онъ понемногу выдвинулся, обратилъ на себя вниманіе, благодаря унаслѣдованной отъ отца склонности къ сочинительству и актерству. Первымъ литературнымъ опытомъ его былъ шутливый акростихъ на одного товарища, остриженного подъ гребенку и прозваннаго за то „Разстригой-Спиридономъ“. Самъ по себѣ акростихъ былъ очень плохъ и прошелъ бы незамѣченнымъ. Но авторъ начерталъ его на большомъ транспарантѣ подъ раскрашеннымъ рисункомъ, изображавшимъ дервиша, котораго стрижеетъ рогатый и хвостатый цырюльникъ, и транспарантъ этотъ выставилъ въ большой рекреационной залѣ. Добродушный старикъ-директоръ Орлай пожурилъ, конечно, шалуна, но не нашелъ нужнымъ наказать. Тотъ, однако, не унимался и сочинилъ злую сатиру на жителей Нѣжина: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ законъ не писанъ“. Сатира разошлась по городу, и къ директору явилась съ жалобою цѣлая депутація отъ осмѣянныхъ горожанъ-грековъ. Не безъ труда отстоявъ передъ депутаціей своего питомца, Орлай затѣмъ хорошенько распушилъ послѣдняго и взялъ съ него обѣщаніе въ стѣнахъ гимназіи не упражняться болѣе въ подобныхъ „глупостяхъ“.

Среди товарищей Гоголя было нѣсколько очень даровитыхъ, въ томъ числѣ прославившіеся впослѣдствіи писатель Кукольникъ и профессоръ Рѣдкинъ. Кукольникъ, хорошо владѣвшій стихомъ, уже на школьной скамьѣ прослылъ, какъ между товарищами, такъ и у профессоровъ, талантливымъ поэтомъ; а Рѣдкинъ съ двумя другими товарищами принялся за капитальный трудъ — разработку полного курса всеобщей исторіи по иностраннымъ источникамъ. Гоголь

Домъ въ мѣст. Сорочинцахъ, въ которомъ родился Н. В. Гоголь.

чувствовавшій въ себѣ также склонность къ сочинительству, не хотѣлъ отстать отъ нихъ и началъ издавать, одинъ за другимъ, рукописные альманахи и журналы: „Сѣверная Заря“, „Метеоръ Литературы“, „Звѣзда“, въ которыхъ бѣльшая часть статей принадлежала ему самому. Такъ между воспитанниками самъ собою составилъ литературный кружокъ, участники котораго читали другъ другу свои стихотворныя и прозаическія произведенія, собираясь для этого въ отдаленномъ уголку тѣнистаго казеннаго сада на большой дерновой скамьѣ, прозванной „Эрмитажемъ“. Кстати замѣтимъ, впрочемъ, что со стороны преподавателя русской словесности начинающіе авторы нимало не поощрялись: этотъ преподаватель, профессоръ Никольскій, изъ „новѣйшихъ“ писателей признавалъ еще только старика Державина; поэзію же молодого Пушкина, которою восхищались воспитанники, считалъ литературною ересью. Тотъ же „эрмитажный“ кружокъ, по предложенію Гоголя, обзавелся, помимо казенной библіотеки, еще своей собственной, для которой книги и журналы выписывалъ изъ Москвы и Петербурга; библіотекаремъ же ея выбрали самого Гоголя. Отличаясь и въ ту пору уже чудачествами, нашъ библіотекаръ придумалъ совершенно оригинальную мѣру, чтобы охранить порученныя ему книги отъ грязныхъ пальцевъ товарищей: передъ тѣмъ какъ вручить кому-нибудь книгу, онъ надѣвалъ ему на всѣ десять пальцевъ по бумажному, собственнаго издѣлія, наперстку. Однако мѣра эта не нашла сочувствія у читателей и не привилась.

По его же почину воспитанники затѣяли любительскіе спектакли, на которыхъ зрителями были, кромѣ товарищей и начальства, также родственники артистовъ и именитые горожане. Режиссерами были

Кукольникъ и Гоголь. Самъ Гоголь подвизался съ большимъ успѣхомъ въ старческихъ роляхъ обоого пола; особенно хорошъ былъ онъ въ фонвизинскомъ „Недорослѣ“, въ роли Простаковой.

Курсъ Нѣжинской гимназiи „высшихъ наукъ“ былъ девятилѣтній: шесть низшихъ классовъ отвѣчали общегимназическому курсу, три старшихъ—университетскому, сообразно чему воспитанники старшаго отдѣленiя такъ и назывались „студентами“. Въ апрѣлѣ 1825 г., передъ самымъ переходомъ Гоголя въ старшее отдѣленiе, изъ деревни пришло къ нему извѣстiе о кончинѣ отца. Хотя въ послѣднее время Василiй Афанасьевичъ постоянно похварывалъ, но роковая вѣсть была для сына все-таки неожиданностью. Подъ первымъ впечатлѣнiемъ онъ едва не покусился на самоубiйство; спасла его только глубокая вѣра въ Промыслъ Божiй и горячая любовь къ бѣдной матери, оставшейся теперь безъ всякой опоры. Послѣ экзаменовъ прiѣхавъ домой на каникулы уже студентомъ, онъ и словомъ и дѣломъ старался поддержать неутѣшную въ ея новыхъ заботахъ; но, самъ крайне непрактичный въ житейскихъ дѣлахъ и совершенно неопытный въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ принесъ ей пользы довольно мало. Возвратясь осенью опять въ Нѣжинъ, онъ выслалъ матери въ деревню составленные имъ самимъ планы для перестройки дома и затѣмъ нерѣдко надѣлялъ ее письменными совѣтами, которые, впрочемъ, по большей части оказывались на дѣлѣ точно такъ же неудобопримѣнимыми.

Изъ своихъ однокурсниковъ по гимназiи Гоголь всего болѣе дружилъ съ Данилевскимъ, котораго зналъ еще съ ранняго дѣтства; кромѣ того, онъ еще гимназистомъ очень сошелся съ „студентомъ“ Вы-

соцкимъ, который хотя и былъ двумя классами его старше, но находилъ удовольствіе въ бесѣдахъ съ такимъ же, какъ и самъ онъ, „критикомъ“. Вскорѣ по кончинѣ отца, Гоголю пришлось разлучиться и съ обоими друзьями: Данилевскій перешелъ въ московскій университетскій пансіонъ, а Высоцкій, окончивъ курсъ, укатилъ въ Петербургъ для поступленія на государственную службу. Не имѣя теперь въ Нѣжинѣ никого, съ кѣмъ бы подѣлиться своими сокровенными мыслями и чувствами, Гоголь замкнулся въ себѣ и сталъ для окружающихъ еще непроницаемѣе; но добродушная насмѣшливость малоросса не давала заглушить себя, и онъ, для собственной потѣхи, игралъ и въ жизни комедію, показывая себя людямъ не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

„Я почитаюсь загадкою для всѣхъ (окровенничаль онъ въ письмѣ къ матери); никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами! Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—умень, у другихъ—глушь“.

Тонкая наблюдательность позволяла ему подмѣчать у ближнихъ ихъ слабыя стороны; подлаживаясь подъ чужіе взгляды, онъ умѣлъ вызывать всякаго на откровенность, а потомъ, при случаѣ, ставилъ его нарочно въ комическое положеніе. Та же наблюдательность безотчетно подталкивала его изучать, кромѣ людей,

своего круга, и простонародье. Такъ накоплялся у него постепенно тотъ богатый запасъ житейскихъ наблюдений, который послужилъ ему впослѣдствіи такимъ благодарнымъ матеріаломъ для его несравненныхъ литературныхъ произведеній.

Но на школьной скамьѣ Гоголь, какъ многіе изъ замѣчательныхъ людей, не подозрѣвалъ еще своего настоящаго призванія. Своимъ „пробамъ пера“ въ рукописныхъ альманахахъ и журналахъ онъ не придавалъ серьезнаго значенія. Прилежно переписываясь съ своимъ петербургскимъ другомъ Высоцкимъ, онъ мечталъ лишь о томъ, чтобы, по примѣру Высоцкаго, сдѣлаться чиновникомъ.

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія (признавался онъ двоюродному брату своей матери, Петру Петровичу Косяровскому) я пламенѣлъ неугасаемою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ; быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состязанія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи; я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣтеленъ, здѣсь только я могу быть истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты

короткой жизни моей не утратить, не сдѣлавъ блага...“

Двадцать лѣтъ спустя, въ своихъ запискахъ, онъ подтверждаетъ то же:

„... Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано—въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная“.

До выпускного класса занимаясь науками лишь настолько, чтобы не отстать отъ товарищей, онъ послѣдніе полгода до выпуска занялся тѣмъ усерднѣе; но былъ выпущенъ все-таки не по первому, а по второму разряду—съ чиномъ 14-го класса. Теперь онъ могъ „означить свое существованіе“ на служебномъ поприщѣ.

III.

Въ поискахъ за призваніемъ.

(1829—1831).

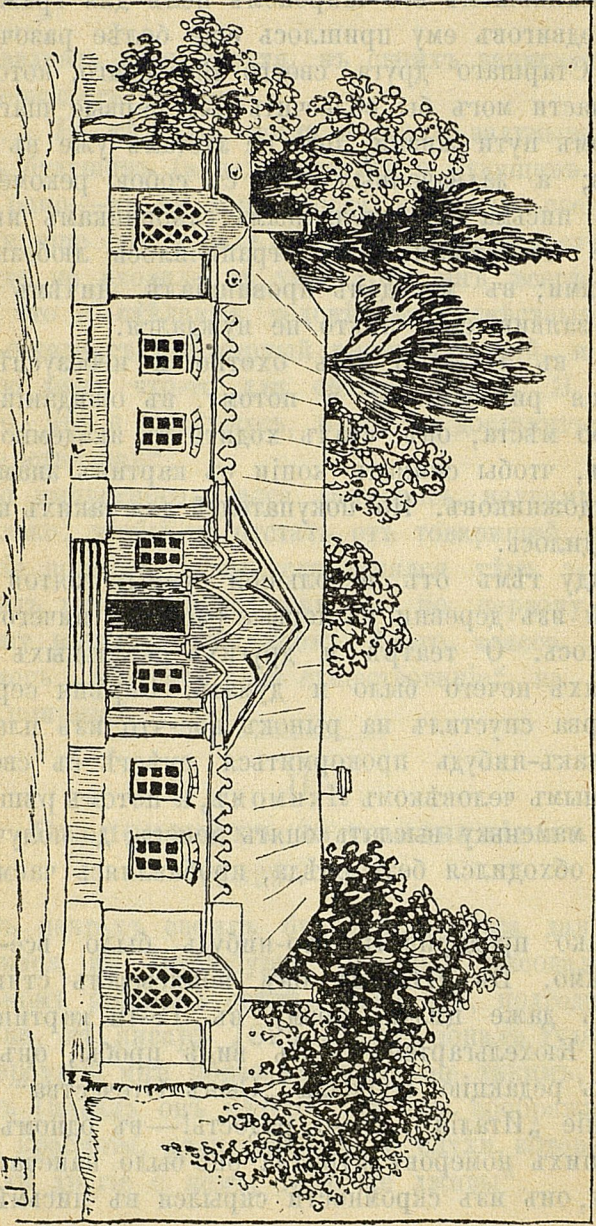
Въ мечтахъ своихъ будущій служака давно уже стремился въ Петербургъ, который рисовался ему въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Наконецъ, полгода послѣ выпуска, въ январѣ 1829 г., онъ попалъ туда; но— „Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ (писалъ онъ матери). Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые выпускали другіе о немъ, такъ же лживы“.

Въ манившемъ его широкомъ полѣ для гражданскихъ подвиговъ ему пришлось еще болѣе разочароваться. Старшаго друга своего Высоцкаго, который хоть отчасти могъ бы облегчить ему первые шаги на тернистомъ пути жизни, онъ не засталъ уже въ Петербургѣ; а захваченныя имъ съ собою рекомендацiонныя письма къ столичнымъ сановникамъ ни къ чему не послужили. Все ограничилось любезными обѣщанiями; въ молодомъ провинціалѣ, ничѣмъ себя еще не заявившемъ, никто не нуждался.

Еще въ Нѣжинѣ онъ охотно и небезуспѣшно занимался рисованiемъ; а потому, въ ожиданiи какого-либо мѣста, онъ сталъ ходить въ академiю художествъ, чтобы снимать копiи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Но покупателей для такихъ копiй не находилось.

Между тѣмъ отъ небольшой суммы, взятой имъ съ собой изъ деревни на первые расходы, ничего уже не осталось. О театрѣ и другихъ остальныхъ удовольствiяхъ нечего было и думать. Скрѣпя сердце, онъ сперва спустилъ на рынокъ кое-что изъ платья, чтобы какъ-нибудь прокормиться вмѣстѣ съ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ Якимомъ, а потомъ рѣшился просить маменьку выслать опять денегъ; до полученiя же ихъ обходился безъ обѣда, пробавляясь чаемъ съ булкой.

Однако предпринять что-нибудь было все-таки необходимо. Въ Нѣжинѣ онъ пописывалъ стишки, сочинилъ даже цѣлую поэму въ 18-ти картинахъ: „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Въ видѣ пробы, онъ послалъ въ редакцiю журнала „Сынъ Отечества“ стихотворенiе „Италiя“, и—о, радость!—въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала оно было напечатано. На бѣду, онъ изъ скромности скрылся въ письмѣ къ

Старый господскій домъ въ с. Васильевкѣ. Копія съ собственноручнаго акварельнаго рисунка Н. В. Голода.

Е. П.

редактору подъ псевдонимомъ „Аловъ“ и не заикнулся о гонорарѣ; требовать гонораръ заднимъ числомъ было немислимо. Какъ же быть съ поэмой? Ее, какъ крупную вещь, или совсѣмъ не примуть (вѣдь этимъ господамъ редакторамъ давай имена, имена!), или же оцѣнять въ два двугривенныхъ; а онъ сколько надъ нею трудился, сколько вложилъ въ нее своихъ задушевныхъ думъ! Не проще ли всего издать ее на свой счетъ? Публика ее навѣрное оцѣнитъ...

И поэма сдана въ цензуру, а потомъ и въ типографію. Въ то же время было отправлено къ матери новое письмо съ просьбой прислать разныхъ матеріаловъ для рассказовъ изъ малороссійскаго быта, а также обѣ комедіи покойнаго отца для постановки ихъ при случаѣ на сцену.

Вотъ поэма и отпечатана, развезена по книжнымъ магазинамъ. Но время было лѣтнее, никто не интересовался новыми книгами. Одинъ только „Московский Телеграфъ“ отозвался о „Ганцѣ“, но отозвался такъ пренебрежительно, что бѣдный поэтъ поспѣшилъ, вмѣстѣ съ Якимомъ, отобрать свою поэму изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ и сжечь.

Въ порывѣ отчаянья молодой авторъ рѣшилъ бѣжать отъ своего позора за границу. Кстати же и доктора прописали ему морскія купанья въ Травемюнде близъ Любека. Какъ на грѣхъ, мать прислала ему въ это самое время крупную сумму для уплаты срочныхъ процентовъ въ ссудную казну, гдѣ была заложена Васильевка. Не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, онъ воспользовался этими деньгами, чтобы взять билетъ на пароходъ, отправлявшійся въ Любекъ.

„Теперь только (писалъ онъ матери изъ Любека),

когда я, находясь одинъ посреди необозримыхъ волнъ, узналъ, что значитъ разлука съ вами, моя неопѣненная маменька, въ эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бѣжалъ отъ самого себя, когда я старался забыть все окружавшее меня, — мысль: что я вамъ причиняю симъ—тяжелымъ камнемъ налегла на душу, и напрасно старался я увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше... Простите, милая, великодушная маменька, простите своему несчастному сыну... Продайте, ради Бога, продайте или заложите хоть все: я слово далъ, что болѣе не потребуую отъ васъ и не стану разорять васъ...“

Закончивъ курсъ лѣченія, онъ сѣлъ на пароходъ и очутился снова у себя, на четвертомъ этажѣ въ Столярномъ переулкѣ.

Надо было наконецъ взяться за умъ. Въ Нѣжинѣ онъ вѣдь, по собственнымъ его словамъ, „пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства“. Ничего не оставалось, какъ начать службу хотя бы безъ жалованья. Такая служба, дѣйствительно, нашлась въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но на первыхъ порахъ ему, новичку, давали одну шаблонную работу, отъ которой онъ буквально задыхался. То ли дѣло присланные ему изъ деревни литературные матеріалы, отъ которыхъ такъ и вѣяло вольной Украиной, милой, родной стариной! И въ воображеніи его возставали и безбрежная зеленая степь съ разсѣянными на ней хуторами, и гурьба веселой сельской молодежи—паробковъ и дивчинъ—съ ихъ играми и пѣснями, и удальцы-казаки, и вся поэтическая чертовщина народныхъ повѣрій и сказаній... Зародившіеся въ головѣ его знакомые образы

словно сами собой сплетались въ связный разсказъ; перо само собой забѣгало опять по бумагѣ.

И вотъ первый прозаическій разсказъ: „Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, оконченъ и переписанъ, а тамъ и снесенъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“. Разсказъ былъ одобренъ и появился въ февральской и мартовской книжкахъ журнала 1830 г. Но редакторъ Свиньинъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя существенныя поправки, которыя, по мнѣнію самолюбиваго автора, только испортили разсказъ. Онъ заявилъ объ этомъ редактору. Между ними произошелъ крупный разговоръ, и такъ какъ относительно гонорара у нихъ ничего ранѣе не было обусловлено, то Свиньинъ не счелъ себя обязаннымъ заплатить что-либо начинающему писателю, а тотъ, оскорбленный и огорченный, закаялся вообще заниматься писательствомъ.

Оставался, казалось, одинъ еще только исходъ — поступить на сцену. Въ комическихъ роляхъ онъ вѣдь еще въ Нѣжинѣ имѣлъ большой успѣхъ; но трагики цѣнились выше, а потому лучше было сдѣлаться трагикомъ. Такимъ образомъ, когда онъ предсталъ передъ директоромъ театровъ, княземъ Гагаринымъ, то на вопросъ послѣдняго, какое онъ выбралъ себѣ амшлуа, онъ отвѣчалъ не задумываясь, что „героическое“. Гагаринъ далъ ему записку къ инспектору театровъ Храповицкому, и тотъ заставилъ его, въ присутствіи трехъ актеровъ, прочитатъ по отрывку изъ „героическихъ“ ролей стихотворныхъ трагедій: Озерова — „Димитрій Донской“ и Расина (въ переводѣ графа Хвостова) — „Андромаха“. Читатъ стихи Гоголь былъ не мастеръ, особенно стихи напыщенные, а тутъ еще оробѣлъ передъ такими опытными судьями, и прочиталъ оба отрывка прескверно. Тогда ему предло-

жили прочитать еще сцену изъ комедіи Делавиня „Школа стариковъ“; но и эта пьеса была въ стихахъ, и прочель онъ ихъ немногимъ лучше. Удайся ему это чтеніе, — какъ знать? — не остался ли бы онъ навсегда актеромъ, и не лишилась ли бы затѣмъ Россія великаго писателя. Но проба, по счастью, не удалась, и ему пришлось отказаться отъ карьеры артиста.

Тутъ-то, когда и эта попытка его потерпѣла полную неудачу, судьба наконецъ сжалилась надъ нимъ. По протекціи одного дальняго родственника (А. А. Трощинскаго), онъ былъ переведенъ въ департаментъ удѣловъ, хоть и не на штатную должность, но все же на опредѣленный окладъ (500 р. асс. въ годъ). Начальникомъ отдѣленія у него оказался Вл. Ив. Панаевъ, который въ досужіе часы самъ пописывалъ также въ журналахъ. Получивъ отъ новаго подчиненнаго оттискъ „Басаврюка“, Панаевъ, обладавшій тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, тотчасъ подмѣтилъ въ этомъ небольшомъ разсказѣ проблески недюжиннаго, совершенно оригинальнаго дарованія. Несмотря на большое разстояніе въ чиновномъ мірѣ между начальникомъ отдѣленія и простымъ „причисленнымъ“, Панаевъ навѣстилъ Гоголя на дому, чтобы поощрить его, какъ сотоварища по перу, продолжать свои литературныя занятія, освободилъ его въ департаментѣ отъ черной работы, а три мѣсяца спустя (10-го іюня 1830 г.) опредѣлилъ и на штатную должность помощника столоначальника, обезпечивавшую молодому писателю по крайней мѣрѣ вѣрный кусокъ хлѣба, пока литература не дала бы ему лучшаго заработка.

Призваніе было найдено.

IV.

На своей дорогѣ.

(1831—1842).

Съ того самаго дня, какъ Панаевъ одобрилъ его „Басаврюка“, Гоголь воспрянулъ духомъ, сталъ крѣпнуть и тѣломъ. Послѣ службы, продолжавшейся до 3-хъ часовъ дня, онъ, отобѣдавъ, занимался еще съ 5-ти до 7-ми час. вечера живописью въ академіи художествъ; а потомъ отправлялся пить чай къ семейнымъ знакомымъ или же гулялъ по столичнымъ окрестностямъ. Возвращаясь съ этихъ прогулокъ въ 12-мъ, а то и въ 1-мъ часу ночи, онъ, однако, не ложился сейчасъ спать, а садился за письменный столъ и давалъ волю своему вдохновенію, которое со дня на день все болѣе разыгрывалось. Къ началу зимы у него было готово уже нѣсколько рассказовъ и очерковъ. Съ рекомендательнымъ письмомъ какого-то знакомаго онъ отнесъ ихъ къ поэту Жуковскому, который, какъ ему было извѣстно, покровительствовалъ всѣмъ начинающимъ талантамъ. Жуковскій встрѣтилъ его съ обычнымъ радушіемъ, но, не имѣя самъ времени просмотрѣть довольно толстую рукопись молодого писателя, направилъ его, въ свою очередь, къ своему другу, литератору-педагогу, Плетневу. Внимательно прочитавъ рукопись, Плетневъ сдѣлалъ на ея поляхъ массу замѣчаній; по исправленію же ея, въ чемъ слѣдовало, авторомъ, мелкія статьи пристроилъ въ разныхъ журналахъ, а рассказы посоветовалъ выпустить отдѣльнымъ сборникомъ. Сборникъ свой Гоголь назвалъ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, прикрывшись самъ псевдонимомъ „пасичника Рудого Панька“, отъ имени котораго написалъ и безподобное по юмору предисловіе. Попеченіе Плетнева

о Гоголѣ не ограничилось этимъ: чтобы избавить его отъ ненавистной ему канцелярской работы, онъ предоставилъ ему въ Патріотическомъ институтѣ (гдѣ былъ самъ инспекторомъ классовъ) уроки исторіи и, кромѣ того, отрекомендовалъ его учителемъ въ два аристократическіе дома. Какъ оба — и Плетневъ и Жуковскій — цѣнили уже литературный талантъ Гоголя, видно изъ письма Плетнева (отъ 22 февраля 1831 г.) къ Пушкину въ Москву:

„Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который общаетъ что-то очень хорошее... Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подь благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишешямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ“.

Личное знакомство Гоголя съ Пушкинымъ завязалось на субботахъ Жуковскаго весною 1831 г., когда Пушкинъ, женившись въ Москвѣ, переѣхалъ съ молодою женою на постоянное жительство въ Петербургъ. Здѣсь-то, у Жуковскаго, Пушкинъ впервые услышалъ одинъ изъ рассказовъ Гоголя въ его собственномъ чтеніи. Читалъ Гоголь превосходно. Графъ Соллогубъ, авторъ „Тарангаса“, въ то время, еще безвѣстный студентъ дерптскаго университета, слѣдующимъ образомъ описываетъ это чтеніе:

„Въ 1831 г. лѣтомъ я пріѣхалъ на вакацію изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка и съ нею вмѣстѣ тетка моя А. И. Васильчикова (къ сыну которой Гоголь нанялся учителемъ на лѣто)... У бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили постоянно бѣдныя дворянки, компаньонки, приживалки. Имъ-то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Я шель однажды по

коридору и услышалъ, что кто-то читаетъ въ ближней комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства и нашелъ Гоголя посреди дамскаго домашняго ареопага. Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна, по обыкновенію, оправляла напомаженные виски. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!“ Кто не слыхалъ Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ придавалъ имъ особый колоритъ своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неувимыми оттѣнками насмѣшливости и комизма, дрожавшими въ его голосѣ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе его глаза добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился. „Да гопакъ не такъ танцуется!“ Приживалки вскрикнули: „Отчего не такъ?“ Онѣ подумали, что Гоголь обращался къ нимъ. Гоголь улыбнулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести его на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто“.

Неудивительно, что въ такомъ чтеніи прелестные сами по себѣ украинскіе рассказы Гоголя должны были привести въ восхищеніе Пушкина, столь чуткаго ко всему прекрасному. Нанявъ себѣ на лѣто дачу въ Царскомъ Селѣ, отстоящемъ отъ Павловска всего въ 4-хъ верстахъ, Пушкинъ пригласилъ Гоголя бывать у него запросто; а такъ какъ и Жуковскій,

въ качествѣ воспитателя великаго князя-наслѣдника (впослѣдствіи императора Александра II), жилъ тогда въ царскосельскомъ дворцѣ, то Гоголь очень часто навѣщалъ обоихъ поэтовъ изъ Павловска. Такъ уже въ теченіе одного лѣта Пушкинъ успѣлъ оцѣнить и полюбить Гоголя.

— Онъ будетъ русскимъ Стерномъ, — говорилъ онъ съ убѣжденіемъ одной ихъ общей знакомой (придворной фрейлинѣ Россетъ): — онъ все видитъ, онъ умѣетъ смѣяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грустенъ и заставитъ плакать. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ онъ станетъ первокласснымъ талантомъ.

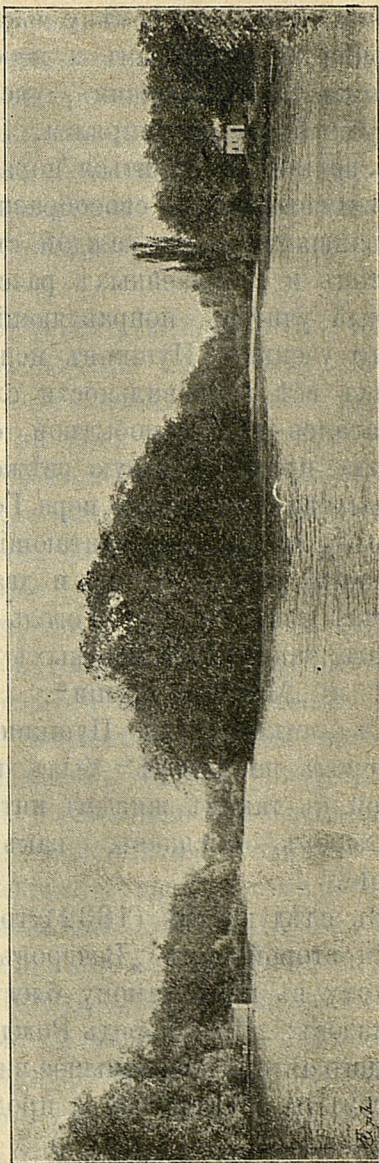
Пушкинъ же раньше всѣхъ печатно привѣтствовалъ первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ“, выпущенный въ свѣтъ осенью 1831 г.:

„Сейчасъ я прочелъ „Вечера близъ Диканьки“ (писалъ онъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду“). Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая эту книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору желаю сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ“.

По переѣздѣ съ дачи въ Петербургъ, Пушкинъ, несмотря на большую разность лѣтъ (ему минуло уже 32 года, Гоголю же всего 22), то и дѣло взбѣгаль

къ нему на 4-й этажъ и просиживаль у него за полночь. Геніальность притягивалась геніальностью. Молодой юмористъ, съ другими вообще несообщительный и скрытный, передъ обожаемымъ имъ зрѣлымъ поэтомъ раскрываль свою душу нараспашку: отдаваль ему на судъ и свои научные недочеты, и свою дорожную записную книжку (отъ Полтавы до Петербурга), и свои будущіе литературные замыслы, и, наконецъ, всѣ свои новыя работы. По совѣту Пушкина, онъ прочель теперь впервые множество классическихъ произведеній иностранныхъ писателей, частью въ переводѣ, частью въ оригиналѣ *). Благодаря этому чте-

Большой прудъ въ саду села Васильевки.

*) Въ томъ числѣ слѣдующія сочиненія: „Донъ-Кихота“ Сервантеса, „Фауста“ и „Вильгельма Мейстера“ Гёте, „Натана Му-

нію и постоянному обмѣну мыслей съ такимъ много-сторонне образованнымъ и необыкновенно умнымъ чело-вѣкомъ, какъ Пушкинъ, умственный кругозоръ Го-голя все болѣе расширялся. Съ своей стороны Пуш-кинъ не могъ надивиться поразительной наблюдатель-ности и совершенно своеобразному остроумію Гоголя, проявлявшемуся въ каждой строкѣ его мимолетныхъ замѣтокъ и законченныхъ разсказовъ. Какъ добросо-вѣстный учитель, поправляющій классныя работы лю-бимаго ученика, Пушкинъ исправлялъ въ этихъ раз-сказахъ всѣ неправильности слога, ничуть, однако, не касаясь той самобытной оригинальности стиля, которая придаетъ такую свѣжесть и прелесть всему, что выходило изъ-подъ пера Гоголя. Мало того: какъ щедрый богачъ, не считающій своихъ сокровищъ, Пушкинъ уступилъ ему и два собственныхъ своихъ сюжета, изъ которыхъ Гоголь создалъ потомъ по-сво-ему два такихъ безсмертныхъ творенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“.

Съ легкой руки Пушкина, уже первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ“ былъ принятъ читающею пу-бликой съ такимъ живымъ интересомъ, что не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ потребовалось новое изданіе.

Въ слѣдующемъ (1832) году вышелъ изъ типо-графіи второй томъ „Вечеровъ“ и, благодаря помѣ-щенному въ немъ самому блестящему изъ этого цикла разсказовъ: „Ночь передъ Рождествомъ“, обратилъ на молодого автора еще большее вниманіе. Талантъ же его на этомъ не остановился, а продолжалъ расти. При вы-

---

драго“ и „Гамбургскую драматургію“ Лессинга, драмы Шекспира, трагедіи Расина и Корнеля, комедіи Мольера, сказки Вольтера, басни Лафонтена, „Опыты“ („Essais“) Монтэня, „Мысли“ Пас-каля, „Персидскія письма“ Монтескье, „Характеры“ Лабрюйера.

ходъ его сборника „Миргородъ“ журнальная критика, въ лицѣ первокласснаго цѣнителя—Бѣлинскаго, привѣтствовала Гоголя уже какъ восходящее свѣтило первой величины. Изъ четырехъ повѣстей „Миргорода“ въ двухъ: „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ и „Старосвѣтскіе помѣщики“ осмѣивались отрицательныя стороны мелкихъ людей, пошлость людская.

„Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями (говорилъ Бѣлинскій), то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любитъ ее, какъ любитъ взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивною, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не падить ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе... Заставитъ насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностью и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество—это удивительно; но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ — вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ, вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія!

„И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно. И такова жизнь наша: сначала смѣшно,

потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько фило-софіи, сколько истины!...“

Въ остальныхъ двухъ повѣстяхъ того же сборника: „Вій“ и „Тарасъ Бульба“ съ небольшою художественностью выведены два типа стародавней Малороссіи—бурсаки и казаки. „Тарасъ Бульба“, по мнѣнію Бѣлинскаго, „дивная эпопея, написанная кистью смѣлою и широкою, рѣзкій очеркъ героической жизни младенствующаго народа, огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гоголя“. Въ заключеніе своего восторженнаго отзыва, Бѣлинскій превозноситъ и лиризмъ Гоголя:

„Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святого чувства любви,—сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту,—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи,—это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните ли вы его описаніе безбрежныхъ степей днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у Гоголя!...“

Пушкинъ точно такъ же особенно восхищался „Тарасомъ Бульбой“, находя, что „въ этой эпопеѣ можно было бы найти матеріаль для прекрасной драмы“.

Похвалы передовой критики и лучшихъ писателей вскружили голову молодому автору. Занимаясь урывками исторіей, особенно своей родной Малороссіи, онъ задумалъ написать исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ,—что ему, вовсе неподготовленному къ такому ученому труду, было, разумѣется, не подъ силу. Но, по протекціи Жуковскаго и Пушкина, ему все-

таки удалось (въ 1834 г.) сдѣлаться адъюнктъ-профессоромъ петербургскаго университета по всеобщей исторіи. Вступительная лекція была блестяща, дальнѣйшія же—сухи и скучны. Очевидно, настоящимъ призваніемъ его была не строгая наука, а изящная словесность.

Самъ прекрасный комикъ, Гоголь не могъ, конечно, не приняться также за комедію. Первой попыткой его въ этомъ родѣ была комедія „Женихи“, переименованная потомъ (въ 1842 г.) въ „Женитьбу“. Задумана была имъ еще большая комедія „Владиміръ 3-й степени“, написаны были изъ нея и отдѣльныя сцены; но, по цензурнымъ условіямъ, все ограничилось этими сценами („Утро дѣловаго человѣка“, „Отрывокъ“, „Тяжба“ и „Лакейская“). Сатирическая жилка не давала, однако, покою Гоголю, и онъ принялся одновременно за разработку обоихъ, предоставленныхъ ему Пушкинымъ, благодарныхъ сюжетовъ: одного для комедіи, другого для романа. Комедія „Ревизоръ“ была напечатана весною 1836 г. и тогда же поставлена на сцену. Значительная часть посѣтителей петербургскихъ театровъ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ міру чиновниковъ. Большинство ихъ, ошеломленное небывало-безцеремоннымъ изобличеніемъ темныхъ сторонъ провинціальнаго чиновничества, было возмущено. Почти всѣ зрители невольно хохотали, но сквозь этотъ хохотъ раздавались негодующіе голоса:

— Клевета! фарсъ!

Крики эти были подхвачены и враждебными Гоголю газетами и журналами.

Что комедія затронула очень чувствительную струну общества, доказывалось уже тѣмъ, что, несмотря на апрѣль мѣсяць, когда театры обыкновенно пустуютъ, всякій петербуржець хотѣлъ видѣть „Ревизора“, и

слѣдовавшія одно за другимъ представленія давали полные сборы. Друзья осыпали Гоголя восторженными похвалами; Бѣлинскій находилъ, что въ комедіи его „нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое“. Но Гоголь, присутствуя при первомъ представленіи своей пьесы, убѣдился лично, какъ недоброжелательно отнеслась къ ней бѣольшая часть публики, и упалъ духомъ; пристрастные же нападки враговъ - журналистовъ окончательно его доконали. Впослѣдствіи, въ своемъ „Театральномъ разѣздѣ“, онъ излилъ всю ту горечь, которая накопилась у него на сердцѣ отъ незаслуженныхъ нареканій на его гениальную комедію.

„Бду за границу (писалъ онъ 10 мая 1836 г. историкѣ Погодину): тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники... Пророку нѣтъ славы въ отечествѣ... Частное принимаютъ за общее, случай за правило! Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ, —тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы не плуты...“

И вотъ онъ за границей. Разстроенные нервы его нуждались въ полномъ покоѣ, а слабый отъ природы организмъ и расшатанное петербургскимъ климатомъ здоровье — въ серьезномъ лѣченіи. Осенью 1836 г. въ Веве, на Женевскомъ озерѣ, онъ настолько поправился, что письма его въ Россію дышали уже чисто „гоголевскимъ“ юморомъ; а когда, съ наступленіемъ въ Швейцаріи холодовъ, онъ переѣхалъ въ Парижъ, то къ нему возвратилась и прежняя охота къ литературной работѣ, и онъ съ свѣжими силами засѣлъ опять за свой романъ „Мертвыя Души“, первыя главы котораго, въ черновомъ видѣ, читалъ еще въ Петербургѣ Пушкину.

„Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо (писалъ онъ въ ноябрѣ изъ Парижа): указалъ мнѣ квартиру на солнцѣ, съ печкой—и я блаженствую. Снова веселье; „Мертвыя“ текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши мужики, наши избы, словомъ—вся православная Русь... Не представится ли вамъ какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь... Сообщите объ этомъ Пушкину: авось-либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны...“

Среди такого-то свѣтлаго настроенія, какъ громомъ поразила его вѣсть о внезапной смерти его кумира и вдохновителя—Пушкина.

„Моя утрата всѣхъ больше (писалъ онъ Погодину 30-го марта 1837 г.). Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, а я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь, мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой („Мертвыя Души“) есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его (т.-е. труда) не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ; угадывалъ, что будетъ нравиться ему,—и это было моею высшею и

первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди. Что трудъ мой?..“

И, вѣрный своему обѣту, онъ, несмотря на удручавшія духъ его тѣлесныя немощи, не поддававшіяся уже лѣченію, окончилъ-таки къ 1840 году первую часть „Мертвыхъ Душъ“, подѣ которыми слѣдовало разумѣть не однѣ только умершія „крѣпостныя души“, но и самихъ дѣйствующихъ лицъ романа, лишенныхъ, въ смыслѣ христіанства, живой души. Когда новая книга въ 1842 г. появилась въ свѣтъ, не было ни одного образованнаго человѣка въ Россіи, кто бы не поспѣшилъ прочесть ее. Толкамъ и пересудамъ по ея поводу, какъ шесть лѣтъ передъ тѣмъ по поводу „Ревизора“, не было конца. Бѣлинскій же прямо высказался, что „авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ“. Послѣ „апатическаго унынія, овладѣвшаго литературой (со смерти Пушкина и Лермонтова), вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта, и, въ то же время, глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...“

Конецъ творчества.

(1842—1852).

О послѣднемъ періодѣ жизни Гоголя, не давшемъ русской литературѣ ничего цѣннаго, много распространяться не станемъ. Кромѣ хроническихъ тѣлесныхъ страданій, дѣйствовавшихъ разрушительно на его слабый вообще организмъ и на общее состояніе его духа, немало угнетало Гоголя и стѣсненное матеріальное положеніе. Ради своего здоровья живя теперь по большей части въ Италіи, а именно въ Римѣ, онъ расходовалъ на себя значительно болѣе, чѣмъ выручалось отъ продажи его сочиненій. Правда, что государемъ было пожаловано ему на лѣченіе за границей 9 тысячъ рублей (по 3 тысячи на 3 года). Тѣмъ не менѣе онъ не могъ обходиться безъ займовъ у своихъ московскихъ и петербургскихъ друзей въ счетъ будущихъ доходовъ отъ новыхъ литературныхъ произведеній. Но годъ проходилъ за годомъ, а новаго ничего не создавалось. Одинъ же изъ его друзей-займодавцевъ неотступно требовалъ отъ него, въ уплату займа, скорѣйшей присылки какихъ бы то ни было статей для издаваемого имъ журнала. Въ отвѣтъ на это у Гоголя вырвался такой вопль:

„Боже, если бы вы знали, какъ тягостно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе! Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого своего труда—для меня уже бѣда... Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже, можетъ-быть, двѣ-три недѣли, ибо онъ будетъ почти насиль-

ственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы, — преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Я умеръ для всего мелочного; и для презрѣннаго ли журнальнаго пошлаго занятія я долженъ совершать непрощаемыя преступленія?“

Этимъ „святымъ трудомъ“ было продолженіе „Мертвыхъ Душъ“, въ которомъ должны были выступить уже не темныя, а свѣтлыя стороны русской жизни, не отрицательныя, а положительныя типы. Тѣмъ временемъ не въ мѣру усердные московскіе друзья объявили въ „Москвитянинѣ“, не спрося даже автора, что будто бы второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ уже готовъ, а вскорѣ будетъ окончень и третій. Гоголь былъ внѣ себя; друзья же не переставали осаждать его просьбами—дать хоть то, что у него есть.

„Никакая сила (отвѣчалъ имъ Гоголь) не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я вижу самъ“.

На запросы объ авторскихъ его замыслахъ онъ уклонялся входить въ подробности.

„Представь себѣ архитектора, строящаго зданіе, которое все загромождено и заставлено у него лѣсомъ (писалъ онъ въ видѣ оправданія): чего стоить ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу, какъ будто бы кирпичъ вчернѣ и первое пришедшее въ голову слово въ силахъ разказать о фасадѣ, который въ головѣ архитектора“.

Такая медленность въ работѣ, составлявшей теперь единственную цѣль его жизни, объясняется, во-первыхъ, прогрессивнымъ угасаніемъ творчества вслѣдствіе ослабленія всего организма, а во-вторыхъ—непосильной задачей: обладая необычайнымъ даромъ схватывать налету отрицательныя, смѣшныя стороны людей, онъ,

по самому складу своего ума, а также по недостаточно основательному образованію, былъ рѣшительно неспособенъ составить вполне ясное и полное представленіе о положительной сторонѣ русской жизни.

Подъ вліяніемъ упадка тѣлесныхъ силъ и творчества, его все чаще занимали теперь мысли о своемъ душевномъ спасеніи и о загробной жизни. Временное утѣшеніе онъ находилъ только въ молитвѣ. Все написанное уже имъ, чѣмъ такъ восхищались истинные любители изящной словесности, представлялось ему плодомъ мірской суеты, недостойнымъ вѣрующаго человека. Напечатаннаго и разошедшагося въ продажѣ вернуть было уже невозможно; но въ рукописи у него имѣлось продолженіе „Мертвыхъ Душъ“, и вотъ эту-то рукопись онъ, въ припадкѣ унынія, сжегъ въ 1845 г. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ выступилъ проповѣдникомъ мудрой и праведной жизни. Но, чтобы быть таковымъ, ему недоставало глубокаго философскаго ума и всесторонней житейской опытности. Онъ былъ рожденъ художникомъ, а не мудрецомъ. Когда поэтому онъ выпустилъ въ свѣтъ (въ 1847 г.) отдѣльной книгой свою „Переписку съ друзьями“, книга была встрѣчена не похвалами, какъ ожидалъ онъ, а взрывомъ негодованія враговъ и друзей. Бѣлинскій, когда-то первый провозгласившій его образцовымъ художникомъ слова, разгромилъ его „Переписку“ беспощаднѣе всѣхъ. Такой пріемъ, по его мнѣнію, лучшаго его творенія повергъ Гоголя въ полное отчаяніе. Чтобы найти опять душевное равновѣсіе, онъ совершилъ (въ 1848 г.) поѣздку въ Іерусалимъ ко Гробу Господню. Возвратившись оттуда, онъ принялся снова за вторую часть „Мертвыхъ Душъ“; но работа подвигалась туго и самого его попрежнему не удовлетворяла. Точно въ предчувствіи близкаго конца, онъ переѣхалъ изъ Італіи

на постоянное жительство въ Москву. Поселился онъ у своего почитателя и покровителя, графа А. П. Толстого, который окружилъ его всевозможнымъ комфортомъ, чтобы житейская проза не мѣшала его поэтическому вдохновенію; но вдохновеніе навсегда уже отлетѣло! На сдѣланный ему разъ Толстымъ вопросъ, отчего онъ нѣсколько мѣсяцевъ ничего уже не пишетъ, Гоголь грустно улыбнулся:

— Да! какъ странно устроенъ человекъ: дай ему все, что онъ хочетъ, для полного удобства жизни, — тутъ-то онъ и не станетъ ничего дѣлать... Со мною былъ такой случай: ѣхалъ я разъ между городками Джансоно и Альбано, въ іюль мѣсяцѣ. Среди дороги, на бугрѣ, стоитъ жалкій трактиръ, съ бильярдомъ въ главной комнатѣ, гдѣ вѣчно гремятъ шары и слышится разговоръ на разныхъ языкахъ. Всѣ проѣзжающіе мимо непременно тутъ останавливаются, особенно въ жаръ. Остановился и я. Въ то время я писалъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, и эта тетрадь со мною не разставалась. Не знаю почему, именно въ ту минуту, когда я вошелъ въ этотъ трактиръ, захотѣлось мнѣ писать. Я велѣлъ дать мнѣ столикъ, усѣлся въ уголь, досталъ портфель и, подъ громомъ катаемыхъ шаровъ, при невѣроятномъ шумѣ, бѣготнѣ прислуги, въ дыму, въ душной атмосферѣ, забылся удивительнымъ сномъ и написалъ цѣлую главу, не сходя съ мѣста. Я считаю эти строки однѣми изъ самыхъ вдохновенныхъ. Я рѣдко писалъ съ такимъ одушевленіемъ. А вотъ теперь никто кругомъ меня не стучитъ, и не жарко, и не дымно..“

Однажды Гоголь разбудилъ ночью слугу, велѣлъ затопить печь и сталъ бросать въ огонь какія-то тетради. Какъ потомъ оказалось, то были вновь обработанныя имъ для печати одиннадцать главъ второй части „Мерт-

выхъ Душъ“. По отзыву нѣкоторыхъ лицъ, слышавшихъ эти главы въ чтеніи, онѣ были очень хороши. Со всѣмъ случайно уцѣлѣла черновая первыхъ пяти главъ, по которой теперь только и можно судить о второй части „Мертвыхъ Душъ“.

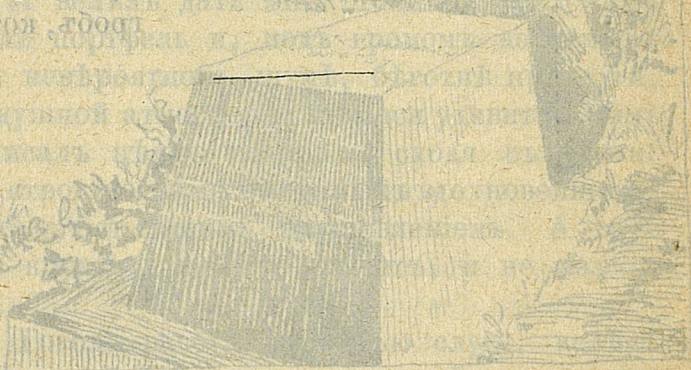
Скончался Гоголь 21-го февраля 1852 года и похороненъ въ московскомъ Даниловомъ монастырѣ. Такъ какъ для литературы онъ угасъ уже за десять лѣтъ до своей физической смерти, то смерть его не произвела, конечно, на общество того потрясающаго впечатлѣнія, какъ 15 лѣтъ передъ тѣмъ смерть Пушкина. Но, въ уваженіе къ погибшему гению, вся образованная Москва собралась провожать его гробъ, который, до

Могила Н. В. Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря въ Москвѣ.

самой могилы, на разстояніи 6—7-ми верстъ, несли на рукахъ.

Въ настоящее время относительно значенія Гоголя для родной литературы не существуетъ двухъ разныхъ мнѣній: какъ Пушкинъ пробудилъ въ русскомъ обществѣ любовь и уваженіе къ изящному печатному слову и такимъ образомъ началъ собою въ нашей литературѣ совершенно новый періодъ, — точно такъ же и Гоголь обозначилъ въ ней новую эру, такъ какъ первый сталъ писать настоящимъ народнымъ языкомъ, простымъ и въ то же время образнымъ, и своей трезвой прозой, своимъ добродушнымъ „смѣхомъ сквозь слезы“ внесъ въ литературу реальное направленіе, ярко, но правдиво изображающее будничную жизнь, какъ она есть. Болѣе полувѣка уже тѣло его покоится въ землѣ, но созданія его гения попрежнему живы, восхищаютъ людей всѣхъ возрастовъ, и никто уже не оспариваетъ его первенствующаго значенія въ нашей литературѣ, какъ великаго юмориста и родоначальника нашихъ позднѣйшихъ прозаиковъ-художниковъ.

Юношескіе годы Пушкина. Біографическая

Повѣсть. Изд. 4-е, съ 9-ю портр. и 3 рис. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 50 к.

Рекомендована Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста; *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебныхъ заведеній для библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. *Одобрена Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи* для ученическихъ библиотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Допущена *Учебн. Ком. при Св. Синодѣ* въ ученическія библиотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, равно и женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

Создатель русской оперы Михаилъ Ивановичъ Глинка. Біографическая по-

вѣсть для юношества. Съ 20 портретами и рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. перепл. 2 р. 25 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщ. въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Дѣтскіе годы Моцарта. Біографическій очеркъ.

(По Гериберту Рау). Изъ книги „Васильки и колосья“. Съ портретомъ Моцарта и др. картинками. Ц. 20 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія въ ученическія младшаго и средняго возрастовъ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библ.

За тридцать лѣтъ. Образцы новой русской поэзіи.

Выбрано для юношества. Ц. 1 р. 25 к., въ изящн. коленк. пер. 2 р.

Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія допущено въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки. *Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи* рекомендовано для ученическихъ библиотекъ всѣхъ возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для подарковъ.

Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ. Повѣсть для юношества.

Съ 8-ю отдѣльными и другими рисунками въ текстѣ. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к., въ изящномъ коленк. перепл. 1 р. 10 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія въ ученическія, средняго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

Молодильныя яблоки. Сказка-поэма.

Съ рисунк. Ц. 10 к.
Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ классовъ средн. учебн. заведеній.

Васильки и колосья. Разказы и очеркы для юношества. Съ 22 рисунками и портретами. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкор. перепл. 2 р.

Въ первомъ изданіи допущены *Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія* въ ученическія для младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и *Учебн. Ком. при Св. Синодѣ* къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій. *Рекомендованы Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи* въ ученическія библіотеки старшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, а также для подарковъ, и *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебныхъ заведеній для среднихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ.

Лепестки и листься. Разказы, очерки, афоризмы и загадки для юношества. Съ портретами и рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

Допущено Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ бесплатныя библіотеки и читальни.

Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разказовъ. Съ портретомъ автора и отдѣльными рисунками Н. Загорскаго и Т. Никитина. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к.

Одобрены Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія и рекомендованы Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для подарковъ.

Дѣтскія сказки. Изд. 5-е, съ 8 отдѣльн. рис. и многими другими въ текстѣ Н. Н. Каразина и др. Въ это изданіе вошли, кромѣ наиболѣе удачныхъ пересказовъ простонародныхъ и иностранныхъ сказокъ изъ сборника: „Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ“, еще три оригинальныя сказки: „О муравьѣ-богатырѣ“, „О пчелѣ Мохнаткѣ“ и „Что комната говоритъ“. Послѣднія двѣ удостоены каждая первой преміи Спб. Фребелевскаго общества. Ц. въ бумажкѣ 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. пер. съ золот. 2 р.

Допущены Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. въ ученическія младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ безпл. народн. читальни и библ., и *Учебн. Ком. вѣд. Императрицы Маріи* для приобрѣтенія въ библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ училищъ вѣдомства. *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебныхъ заведеній *рекомендованы* для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сказка о муравьѣ-богатырѣ. Разказъ для дѣтей. Съ рисунк. Н. Н. Каразина. 5-е изд. Ц. 50 к. *Учебн. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи* допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

